

Особенности современного экономического развития

УДК 339.9+338.2(1*CN)

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Интернационализация экономики Китая: контуры нового ИКТ-индустриального центра мирового хозяйства

Денис Борисович КАЛАШНИКОВкандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики
МГИМО МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1120-0054

ЦИТИРОВАНИЕ: Калашников Д.Б. Интернационализация экономики Китая: контуры нового ИКТ-индустриального центра мирового хозяйства // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 20–43.

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Статья поступила в редакцию 11.08.2025.

Исправленный текст представлен 27.08.2025.

АННОТАЦИЯ. Цель статьи – раскрыть, как новый этап реформирования экономики Китая отразится на его месте в иерархии мирового хозяйства и на самой архитектуре экономического миропорядка. Для этого проанализированы особенности реализации современных китайских стратегий развития «производительных сил нового качества», «двойной циркуляции», «искусственного интеллекта +» (ИИ), «индустриализации нового типа», а также трендов глобализации, транснационализации компаний Китая, развития международных производственных цепочек. Показано, что в Китае ИИ становится важнейшим фактором производства и конкурентоспособности, который при этом недоступен иностранному бизнесу ни

для организации производства, ни для продаж на внутреннем рынке. Кроме того, китайские компании создают за рубежом невидимую в статистике прямых инвестиций производственную сеть всемирного масштаба, контроль над которой основан на технологической зависимости от разработки продукции в Китае. Западные транснациональные корпорации (ТНК) выносят производства из Китая, но при этом попадают в еще большую зависимость от него, так как только Китай может обеспечить поставку всех необходимых материалов и оборудования, которое совместимо лишь с китайскими НИОКР и ИИ. Таким образом, пока западные ТНК конкурируют друг с другом товарами, Китай получает монопольную власть за предоставление всем им

самой возможности быстро, дешево и качественно разрабатывать и производить эти товары. США – пока что мировой лидер в сфере ИИ и его инфраструктуры, но в отличие от Китая, имеющего 6 млн фабрик, американский ИИ ограничен в применении. Таким образом, уже происходит трансформация мир-системы, в которой над постиндустриальным Центром уже проявляются контуры более передового ядра. Страны, которые в него войдут, будут считаться развитыми. Предлагается назвать этот новый, четвертый, ярус мирового хозяйства ИКТ-индустриальным, так как в его основе находится ИКТ-инфраструктура, но она создает синергетический эффект только в условиях промышленного суверенитета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, глобальная экономика, инновационное развитие, производительные силы нового качества, транснациональные корпорации, глобальные цепочки стоимости, мир-система.*

Руководители и ученые КНР декларируют, что с 2021 г. Китай перешел на качественно новую модель экономического развития. При этом подчеркивается, что для ее успешного функционирования и достижения «всестороннего» глобального лидерства Китай должен возглавить современный этап глобализации, который видится как неизбежный объективный и прогрессивный процесс развития человечества. Научная проблема и главная цель статьи – раскрыть, как новый этап реформирования экономики Китая отразится на его месте в иерархии мирового хозяйства и на самой архитектуре экономического миропорядка. Гипотеза исследования предполагает, что Китай уже активно внедряет принципиально новый формат производственных отношений в национальной

экономике, где искусственный интеллект становится самостоятельным и всё более важным фактором производства. Соединение ИИ с 6 млн заводов всех известных отраслей промышленности и национальной инновационной системой ставит в зависимость от Китая способность многих стран мира разрабатывать и производить конкурентоспособную продукцию. Китай не пытается догнать развитые страны устаревшего постиндустриального Центра, а опережает их в строительстве новой модели экономического мироустройства. Для вхождения в Центр нового, четвертого, яруса мир-системы недостаточно иметь суверенный ИИ, который многократно повышает эффективность НИОКР, логистики и потребления ресурсов, – намного важнее иметь производственные цепочки, которыми этот ИИ мог бы управлять.

Исследование опирается на теории развития, стадий роста, международного разделения труда, движения капитала, транснационализации, международной конкурентоспособности, глобальных цепочек стоимости. Также использованы труды китайских экономистов, разрабатывающих теоретическое обрамление реализуемых в Китае современных стратегий развития, таких как «производительные силы нового качества» (ПСНК), «двойная циркуляция», «индустриализация нового типа». Трансформация экономического мироустройства и места Китая в нем является, по Иммануилу Валлерстайну [Wallerstein, 1989], развитием мир-системного подхода, в рамках которого переход стран-лидеров к качественно новым производительным силам и производственным отношениям неизбежно приведет к созданию функционально нового Центра мирового хозяйства, а его постиндустриальный ярус трансформируется еще в одну Периферию, как в свое время произо-

шло с промышленным Центром [Валлерстайн, 2001].

Методика исследования отталкивается от анализа официальных программ развития КНР с особым акцентом на развитие отраслей новейшего технологического уклада и их реализацию на практике. Главными акторами глобальной экономики традиционно являлись ТНК, поэтому исследуются деятельность китайских ТНК в сопоставлении с ТНК развитых и развивающихся стран, место КНР в международном движении капитала. Далее анализируются стратегии иностранных ТНК по переносу производства из Китая («Китай+1») и маскировки продукции китайского происхождения для обхода импортных пошлин. В связи с этим проводится анализ изменения факторов конкурентоспособности современного Китая, при этом, как уже принято в китайской экономической школе, в качестве самостоятельного фактора производства рассматривается суверенный ИИ. Завершает работу структурно-логический анализ и авторская интерпретация новых трендов зарубежной деятельности китайских компаний и их значения для трансформации структуры и иерархии глобальной экономики.

В мировой и отечественной литературе идет активная дискуссия о будущем экономическом мироустройстве, о влиянии подъема Китая на глобальную экономику. Гипотеза и выводы, полученные в заключительных разделах статьи, в которых обсуждаются результаты исследования, весьма дискуссионны, во многом субъективны, так как основаны не только на академической литературе и официальной интерпретации программ развития КНР, но и на личном опыте общения автора

с представителями деловых кругов Китая, а также на информации, собранной во время визитов на заводы.

Переход Китая к новой модели развития

Руководство КНР заявляет, что современные темпы роста экономики около 5% в год нормальны, так как главное не скорость, а качество роста. Возможно, в краткосрочной перспективе, во время переходного периода к новой модели развития, это справедливо. Но уже в среднесрочной перспективе такие темпы роста не соответствуют декларируемым конечным целям реформ, прежде всего цели достижения высочайшего уровня благосостояния населения. Это означает, что Китаю в ближайшие десятилетия необходимо как минимум утроить ВВП. Даже по паритету покупательной способности в 2024 г. в Китае ВВП на д.н. составил 27,1 тыс. долл. по сравнению с 85,8 тыс. долл. в США, а по номинальному ВВП отставание от США превышало 6 раз¹.

Соответствующих двухзначных темпов роста ВВП невозможно достичь в рамках прежней модели развития, обеспечивавшей на протяжении 30 лет (1982–2011) среднегодовые темпы роста 10%, вследствие изменения мировой конъюнктуры (трендов деглобализации) и исчерпания эффекта отсталости (завершения строительства транспортной инфраструктуры в стране) [Lin, Fu, 2024], а также начавшегося в 2012 г. и ускоряющегося сокращения численности трудовых ресурсов страны. Кратное увеличение доходов населения (и, соответственно, роста внутреннего потребления) возможно лишь при качественном пре-

1 World bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDPPCAPPP.CD> (дата обращения: 10.08.2025).

образовании отраслевой структуры национального хозяйства и занятости [The Product Space..., 2007], для чего требуется воздействие на отраслевые структуры хозяйства других стран, их подчинение потребностям модернизации экономики Китая [Yifu, Wang, 2021]. Подобный путь развитые страны Запада прошли с помощью своих ТНК через создание специфической специализации в международном разделении труда, обеспечив свои финансы и постиндустриализацию эксплуатацией китайской «мировой фабрики». Сначала Китай собирался повторить этот опыт выноса операций с низкой добавленной стоимостью в менее развитые страны в рамках инициативы «Один пояс – один путь», но отказался от него, увидев последствия деиндустриализации и критической зависимости от чужих цепочек поставок, которые завели в тупик современные развитые страны.

В условиях *Интернета вещей*, когда весь процесс разработки и производства продукта осуществляется преимущественно ИИ без участия человека, ключом к достижению цели китайских реформ является глобальное технологическое лидерство. Оно должно создать возможности получать монопольную максимальную добавленную стоимость на мировых рынках результатов, особенно факторов производства, за счет отсутствия такой возможности у большинства стран мира [Digital economy-driven..., 2025]. Поэтому китайское руководство не сомневается, что страна должна быть в авангарде либерализации мировой торговли и глобализации, хотя еще и не определилось с ее окончательным обликом [Roberts, Lamp, 2025].

Преодоление «ловушки средних технологий» является критической проблемой при переходе к экономике с высоким уровнем дохода. Китай

еще зависит от зарубежных технологий, по этой причине ему также необходима политика открытости и глобальной интеграции, а не изоляции [Zheng, 2024]. Да, перед Китаем стоит важная задача ускоренного повышения роли внутреннего спроса в дополнение к внешнему, тем более что в развитых странах основой опережающего развития, как правило, служил внутренний рынок. Но в КНР вследствие низких (среднемирового уровня) подушевых доходов он еще не способен генерировать инновационный платежеспособный спрос, и конечное потребление, несмотря на усилия правительства, всё еще составляет лишь 56% ВВП.

В 2023 г. руководитель КНР Си Цзиньпин впервые представил концепцию «производительные силы нового качества», которая с июля 2024 г. стала лейтмотивом экономической теории и практики. При этом широко известная инициатива «Один пояс – один путь» и стратегия «двойной циркуляции» органично вписываются в новую концепцию [Calabrese, Jenkins, Lombardozzi, 2024]. ПСНК – это модель роста, основанная на инновациях, в которой прорывные технологии служат преобразованию традиционных и порождают новый массив отраслей и социальных структур посредством цифровизации и интеллектуализации. ПСНК – не только очередной этап реформ, а действительно новая модель развития Китая [Авдокушин, Жуй, 2025].

Теоретическое развитие ПСНК ведется как с позиций неомарксизма, так и в рамках теорий развития и стадий роста. Китайские ученые отмечают, что передовые страны прошли три стадии развития производительных сил: аграрную, индустриальную и информационную (не постиндустриальную!) [Производительные силы...,

2024]. Реализация ПСНК должна вывести Китай и передовое человечество на совершенно новый уровень развития, общепринятого научного названия для которого еще нет. Суммируя заявленные в ПСНК цели и методы их достижения, можно предложить назвать следующую стадию роста как *ИКТ-индустриальная*. Основой экономики и технологического прогресса китайское руководство видит обрабатывающую промышленность; соответственно ускоренное развитие ИИ, больших данных, облачных технологий, квантовых вычислений, высокоскоростного Интернета и прочей «инфраструктуры нового типа» [Wen, Zhan, 2023] осуществляется прежде всего для модернизации (реконструкции) всех отраслей промышленного производства. Этот процесс в синологической литературе также обозначается термином *индустриализация нового типа*: в условиях изменившейся демографической ситуации (население Китая всё быстрее будет стареть и сокращаться, а стоимость труда увеличиваться) многие рабочие места как физического, так и умственного труда должны быть заменены на роботов с ИИ [Потенциал роста..., 2024]. Несмотря на доминантное значение технологий ИИ, для его работы необходимы современная связь, хранилища данных, вычислительные мощности и т.п., поэтому автор предлагает использовать термин не *ИИ-индустриальный*, а *ИКТ-индустриальный*, тем более что сам ИИ является частью ИКТ-технологий.

В 2010-е годы, особенно после активизации деятельности китайских ТНК и объявления первоначальных планов инициативы «Один пояс – один путь», можно было сделать вывод, что Китай во многом готовится перейти к следующей, постиндустриальной, стадии роста, которую в свое

время прошли страны Запада, естественно, с учетом ошибок деиндустриализации и социализма с китайской спецификой [Калашников, 2023]. В 2010-е годы в Китае произошли сдвиги, характерные для перехода к постиндустриальному обществу по типу западных стран, при этом китайские ученые отмечают негативные последствия этого перехода, например культ потребления, падение престижа рабочих профессий, нежелание молодежи вступать в брак.

Однако после пандемии коронавируса китайское правительство переоценило значение промышленного суверенитета и пересмотрело планы снижения доли промышленности в ВВП: даже в долгосрочной перспективе она снизится только до 35%, а не до 25%, как считалось ранее (за 2011–2024 гг. доля вторичного сектора ВВП снизилась с 45,8 до 36,5%). Считается, что промышленность – локомотив развития национальной науки, и до 90% современной сферы услуг обслуживают промышленное производство. Промышленная политика является ключевым элементом экономического развития, включает в себя действия правительства по улучшению деловой среды или изменению структуры экономической деятельности для содействия росту и повышению благосостояния [Navigating..., 2025]. Многие развитые страны также признали, что обрабатывающая промышленность остается решающим фактором экономического роста и благосостояния населения, поэтому активно возрождают промышленную политику [Промышленная политика..., 2023]. В целом во всём вышесказанном нет противоречий, лишь подтверждается закономерность, что невозможно перейти к следующей стадии роста, не пройдя последовательно все предыдущие.

Искусственный интеллект + производство

На начало 2025 г. ПСНК являются не «политическим лозунгом Коммунистической партии Китая» (такое определение концепции дает ассистент Алиса на Яндексе), а уже повсеместно приняли осязаемые формы. Число ученых в Китае превысило 7,5 млн чел., что больше, чем во всех вместе взятых странах Запада; расходы на НИОКР в 2024 г. составили 498 млрд долл., или 2,7% ВВП, и в 2020-е годы Китай действительно перешел от имитационного догоняющего развития к инновационному опережающему. Так, темпы роста капиталовложений до 2013 г. вдвое превышали темпы роста ВВП, снижалась капиталоотдача: 1 юань инвестиций создавал примерно 5 юаней ВВП в 1980 г., 3 юаня – в 2000 г. и менее 2 юаней – в 2010-е годы. Но с 2017 г. темпы роста ВВП превышают темпы роста инвестиций, и к 2023 г. произошел рост капиталоотдачи до 2,5 юаней.

ИИ, работающий вместе с высокоскоростным 5G-интернетом и вычислительными мощностями обработки больших данных (БД), охватил практически все старые отрасли хозяйства [Cook, Rani, 2025]. Не появился четвертичный сектор экономики, а проявились контуры новой стадии роста, произошло качественное перерождение аграрного, промышленного и сервисного секторов [Fang, Iqbal, 2025]. Можно разработать дизайн и сделать вазу или платье вручную кустарным способом, можно на традиционной фабрике, а теперь можно и на современном производстве. «Водораздел» между старым и инновационным проходит не по номенклатуре товаров и услуг, а по степени участия ИИ в производстве самых привычных товаров: ламп и светильников, одежды и игрушек, мебели и посуды и т. п.

Цифровая трансформация промышленности значительно повышает экономическую жизнеспособность компаний за счет снижения транзакционных издержек, повышения совокупной производительности факторов производства [Can digital..., 2024] и смягчения финансовых ограничений [Does digital transformation..., 2025]. Кроме того, предприятия вовлекаются в цифровую торговлю, которая создает дополнительный потребительский спрос [Tang, Lan, 2024]. Поэтому правительство реализует масштабный план действий «ИИ+» для ускорения развития ПСНК, включающий информационно-технологические системы следующего поколения, сбор БД, повышение вычислительной мощности [The impact..., 2025].

Сотни тысяч фабрик в Китае за последние годы уже стали безлюдными [Yang, Zhang, 2025]. Более трети мирового парка умных устройств, или около 5 млрд ед., находится в Китае. Типичный пример: на заводе, где в 2019 г. работали 2000 рабочих и 30 инженеров, в 2024 г. заняты 200 рабочих и 300 инженеров, при этом они как минимум удвоили производство продукции той же товарной группы. На бесконечных сборочных конвейерных лентах фабрик вместо рабочих теперь «сидят» круглосуточно готовые к работе роботы, которые своими руками делают абсолютно все операции, раньше выполняемые людьми, вплоть до упаковки: укладывают изделие в пакетик, его – в коробочку, а ее – в ящик, на который наносят маркировку и относят на склад. Традиционно в Китае заводы располагались в одно- или малоэтажных зданиях, так как перемещение комплектующих и продукции между цехами и складами осуществлялось преимущественно мускульной силой. Теперь заводы массово переезжают в многоэтажные здания, все эти операции также осуществля-

ются роботами, объединенными искусственным интеллектом в единую сеть, причем не в рамках конкретного частного предприятия, а всего Китая.

На заводах практически исчезли отделы закупок и снабжения, транспорта и логистики, сократились бухгалтерия и планово-экономические отделы, отделы упаковки и дизайна. Все эти интеллектуальные процессы организации производства и разработки новой продукции, как и запланировано, переходят под управление ИИ, связанного с роботами в цехах [Реиндустриализация в Китае, 2024].

Китайские заводы располагаются в узкоспециализированных кластерах, в каждом из которых собраны от нескольких сотен до нескольких тысяч примерно одинаковых предприятий, способных производить однотипную продукцию одной микроотраслевой ниши. По мере того, как разработка промышленного дизайна всё больше переходит к ИИ, происходит разделение функций производства и владения брендами. Появляются фирмы, которые специализируются на применении ИИ для сбора и обработки БД о предпочтениях потребителей, производственных возможностях во всём Китае, имеют возможности разработки и продвижения продукции на цифровых платформах. У таких компаний нет собственных фабрик. ИИ размещает их заказы на комплектующие и их последующую сборку в автоматическом режиме на любых заводах соответствующих кластеров, где в данный момент времени есть свободные производственные мощности. Таким образом, можно констатировать, что главной задачей владельцев заводов в Китае становится поддержание роботов в исправном состоянии, а суть их бизнеса трансформируется в сдачу производственных мощностей в аренду ИИ.

Наиболее ярким примером, где Китай за несколько лет стал мировым лидером, является *индустрия ультрабыстрой моды*. За счет использования данных о потребителях в режиме реального времени, гибких цепочек поставок и цифрового маркетинга компании с помощью ИИ разрабатывают и выпускают тысячи новых стилей еженедельно, мгновенно реагируя на меняющиеся тенденции. Так, китайская компания *Shein* за 2019–2024 гг. увеличила продажи в 20 раз (с 2,5 млрд до 48 млрд долл.) и стала мировым лидером отрасли, оторвавшись по выручке от старых чемпионов *Zara* и *H&M* в 7 и 8 раз соответственно. *Shein* работает по модели прямого взаимодействия с потребителем, минуя посредников и продавая исключительно онлайн, в первую очередь ориентируясь на зарубежные рынки. Одним из наиболее значимых факторов успеха индустрии сверхбыстрой моды в Китае является рост онлайн-коммерции в прямом эфире, который изменил взаимодействие брендов с потребителями применением интерактивных сессий вопросов и ответов, мгновенных вариантов покупки, прямых трансляций для стимулирования импульсивных покупок и повышения вовлеченности клиентов.

Такая модель бизнеса, основанная на ИКТ-взаимодействии участников производства, получила название *метакapиализм*. В ИИ-экономике границы между спросом и предложением стираются, человек одновременно является *просьюмером*. Покупатель с помощью ИИ и цифровых платформ производителя становится инициатором производства и соразработчиком большинства видов товаров и услуг, оптимизированных именно под его предпочтения. В Китае на основе глубокой интеграции Интернета и промышленности возникла новая

парадигма продаж – C2M (*Customer to Manufactory*). Например, потребитель входит на платформу C2M через смартфон и размещает заказ, при этом выбирает ткань, фасон, технологию изготовления и прочие параметры одежды. ИИ осуществляет моделирование, после чего обработанная информация автоматически превращается в производственные данные и в виде заказов передается поставщикам материалов и в пошивочный цех.

Функционирование современной ИКТ-промышленности невозможно без цифровой логистики, и Китай с помощью ИИ уже стал лидером в управлении глобальными цепочками поставок. Автоматизированные управляемые транспортные средства (AGV) и коллаборативные роботы произвели революцию во внутренних цепочках поставок. Блокчейн обеспечивает безопасные, защищенные от несанкционированного доступа транзакции по всей цепочке поставок, от поиска сырья до доставки продукции. Прозрачность блокчейна также снижает потребность в посредниках, ускоряя транзакции и улучшая координацию. Благодаря сбору данных IoT в режиме реального времени, компании лучше прогнозируют спрос, снижают затраты на запасы и оптимизируют логистические операции [Industrial Policy..., 2025].

Китай занимает около половины мирового рынка автомобилей, оборудованных беспилотными системами вождения, число таких автомобилей достигнет более 50 млн к 2030 г. Возникло понятие *цифрового транспорта*, соединившего транспорт, промышленность и ИКТ в виде интеллектуальных, динамических и интерактивных автомобильных операционных систем беспилотников и межавтомобильной связи. Китай является лидером по развитию *низковысотной экономики* (до 300 м), с марта 2018 г. массово

внедряется экспресс-доставка беспилотными дронами, современные экзопланеры которых по сути являются летающими грузовыми электромобилями вертикального взлета и посадки.

Видимая транснационализация китайского бизнеса

В соответствии с большинством теорий транснационализации, по мере внедрения инноваций на внутреннем рынке, роста избыточной обеспеченности фактором производства (ИИ), приобретения новых конкурентных преимуществ (науки и технологий) китайские компании должны ускоренными темпами создавать зарубежные филиалы. С одной стороны, статистические данные показывают огромные величины потоков и накопленных прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) Китая (таблица 1), с конца 2010-х годов Китай занимает по этим показателям 2-е и 3-е места в мире соответственно. Так, накопленные ПЗИ в 2024 г. превысили 3 трлн долл., а средние потоки ПЗИ в 2022–2024 гг. составили 168 млрд долл. в год. Наблюдается снижение темпов прироста потоков и накопленных ПЗИ, но это нормально на фоне стагнации роста мировых прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

С другой стороны, следует помнить, что в статистике КНР Гонконг считается иностранной экономикой, и на протяжении 2010–2024 гг. около 60% ПИИ в КНР и ПЗИ из КНР приходится на Гонконг; аналогично материковая КНР является крупнейшим инвестиционным партнером Гонконга, между ними осуществляется круговое движение капитала. Большинство китайских компаний, которые формально можно отнести к ТНК, имеют свой единственный «зарубежный» филиал в офшорном Гонконге для того, чтобы прийти обратно в Китай как фили-

Таблица 1. КНР в мировых прямых инвестициях, млрд долл.

Table 1. China in global direct investment, billion dollars

Показатели	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Накопленные ПЗИ	317	1098	2581	2755	3118
Накопленные ПЗИ, доля в мировых ПЗИ, %	1,5%	4,2%	6,4%	7,0%	7,2%
Доходы от ПЗИ Китая	128,8	189,9	227,9	245,7	279,8
Поток ПЗИ за год	68,8	145,7	153,7	163,1	162,8
Накопленные ПИИ	587	1220	1919	3496	3650
Накопленные ПИИ, доля в мировых ПИИ, %	2,9%	4,6%	4,6%	8,0%	7,2%
Доходы от ПИИ в Китай	166,9	270,1	348,3	405,8	423,1
Поток ПИИ за год	108,8	126,3	149,3	189,1	116,2

Источник: World Investment Report 2025 // UNCTAD. – 2025. – URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025> (дата обращения: 10.08.2025); Balance of Payments // State Administration of Foreign Exchange (Управление валютного контроля КНР). – URL: <http://www.safe.gov.cn/en/BalanceofPayments/index.html> (дата обращения: 10.08.2025).

Таблица 2. Развитие сети зарубежных предприятий ТНК Китая

Table 2. Development of the network of overseas enterprises of Chinese TNCs

Предприятия	2007 г.	2009 г.	2013 г.	2018 г.	2023 г.
ТНК, тыс.	7,0	12,1	15,3	25,5	31,0
Зарубеж. предприятия, тыс.	10,0	13,0	25,4	39,2	48,0
Предприятий на 1 ТНК, ед.	1,4	1,1	1,7	1,5	1,5

Источники: 中国对外直接投资统计公报 = Статистический ежегодник ПЗИ КНР // Министерство коммерции КНР. – Выпуски за 2008–2024 гг. – URL: <http://www.mofcom.gov.cn> (дата обращения: 10.08.2025).

ал иностранной ТНК. Это позволяет им применять все присущие ТНК непрозрачные инструменты ценообразования и налогообложения, то есть скрытого субсидирования, для производства и защиты внутреннего рынка от конкурентов из развитых стран, что не нарушает рыночных правил ВТО [Rodionova, Kalashnikov, 2024]. Поэтому среднее число филиалов на одну ТНК остается 15 лет неизменным на уровне 1,5 ед. (таблица 2). Также низким, около 15%, остается и средний уровень индекса транснационализации 100 крупнейших по величине зарубежных активов ТНК Китая, что мало даже

для компаний из стран с большим внутренним рынком. Для сравнения: для крупнейших ТНК развитых стран значение индекса составляет 63%, а развивающихся – 46%.

На 100 крупнейших ТНК Китая в 2018–2024 гг. приходится две трети накопленных ПЗИ КНР, и на остальные 30,9 тыс. компаний – только треть. Зарубежная выручка 100 крупнейших ТНК Китая в 2024 г. снизилась на 5,4% (до 1,4 трлн долл.).

В целом снижение темпов роста мировых прямых инвестиций можно объяснить не столько трендами деглобализации, сколько развитием

глобальных цепочек стоимости (ГЦС), в рамках которых ТНК берут под контроль за рубежом предприятия и целые отрасли, не инвестируя в них ни цента. Предприятия могут принадлежать местному бизнесу или правительству, но они находятся в полной зависимости от ТНК – владельцев ГЦС либо привязкой к обслуживанию иностранного оборудования, обновления программного обеспечения (ПО), разработки дизайна продукции, либо зарубежным управлением продажами производимой продукции. То есть ТНК не обязательно оформлять права собственности на предприятия, которые находятся на средних (с точки зрения процесса создания продукта), как правило, производственных, участках их ГЦС.

Западные ТНК сделали ставку на престиж своих известных брендов, протекционизм и контроль над сбытом, а начальные (но с довольно высокой добавленной стоимостью) звенья ГЦС тоже перенесли в Китай, который подготовил значительное количество высококвалифицированных инженеров и ученых. В условиях приоритетного развития НИОКР и комплексной государственной промышленной политики Китай добился того, что продукция западных брендов стала производиться в КНР на китайском оборудовании, китайском ПО, мало того, дизайн продукции стал разрабатываться в китайских исследовательских центрах с приоритетом китайских комплектующих, материалов, производственных стандартов и технологий. Упомянутые выше роботы, оборудование для ИИ, вычислений больших данных, Интернета, также разработаны и произведены в Китае.

Китайские ТНК с самого начала отличались от ТНК других стран, были как бы «ТНК-наоборот»: если все выносили производство в Китай

для сбыта в третьих странах, то китайские ТНК производят в Китае для сбыта за границей. Поэтому для многих китайских ТНК значения компонентов их индекса транснационализации по зарубежным активам (в среднем 16,5%) и занятым (10%) ниже, чем по зарубежным продажам (19%). С развитием интернет-продаж на китайских платформах в третьих странах местные производители не испытывают большой потребности в физическом присутствии за рубежом.

Судя по тону современных научных публикаций и программных выступлений, китайские власти отошли от нарратива «выхода за рубеж» и развития собственных торговых марок любой ценой. Наоборот, всемерно поощряется присутствие иностранных компаний и брендов на внутреннем рынке, но при условии, что они производятся на территории КНР. В августе 2023 г. Госсовет КНР опубликовал новый беспрецедентный пакет мер по стимулированию ПИИ, предоставлению им новых налоговых льгот. Также решено провести серию мероприятий в рамках «Года инвестиций в Китай», создания бренда «Инвестиции в Китай», создания сервисных центров для помощи иностранным инвесторам.

На многие потребительские товары (бытовую технику, мебель, автомобили) розничным покупателям государство компенсирует 20% их стоимости – но только на продукцию, произведенную на территории КНР, даже иностранными компаниями. Также при участии в госзакупках цены на товары иностранных брендов, произведенные на территории КНР, учитываются, как и на национальные товары, с понижающим коэффициентом 0,8. В Китае уверены, что независимо от того, чей бренд, максимальная часть добавленной стоимости уже достается национальным компаниям.

Уходят ли западные производители из Китая?

Ответ на этот вопрос позволит лучше разобраться в конкурентных преимуществах Китая для китайских компаний. Если современное производство осуществляется роботами, подключенными к ИИ, то очевидно, что старение и потенциальное сокращение трудовых ресурсов Китая не должны оказывать критического влияния на себестоимость продукции. Наоборот, рост зарплат и благосостояния должны повышать привлекательность внутреннего рынка для иностранных компаний, в этом же направлении должна работать и развитая ИКТ-инфраструктура.

Статистические данные свидетельствуют о том, что накопленные ПИИ в Китай продолжали увеличиваться даже в период геополитической нестабильности 2022–2024 гг., достигнув величины 3,65 трлн долл. (см. таблицу 1). Продолжают увеличиваться и доходы иностранных ТНК от ПИИ в Китай (423 млрд долл. в 2024 г.), в то время как доходы китайских компаний от увеличившихся до 3,12 трлн долл. ПЗИ за рубеж находятся на одном уровне (163 млрд долл.). При этом число филиалов иностранных ТНК в Китае за 2013–2023 гг. увеличилось с 446 тыс. до 696 тыс., но среди них число иностранных предприятий обрабатывающей промышленности снизилось со 166 тыс. до 118 тыс. Доля ПИИ в обрабатывающую промышленность снизилась с 61 до 11% в 2023 г. Число филиалов иностранных ТНК в Китае, занимающихся НИОКР, превысило 70 тыс., которые поглотили 22% ПИИ в Китай. То есть иностранные ТНК осуществляют ПИИ уже не ради производства на экспорт или освоения китайского рынка, а для использования местного развитого человеческого

капитала. И такая динамика наблюдается в условиях, когда инвесторы ограничены запретами своих стран на ПИИ в высокотехнологичные сектора КНР: полупроводники и микроэлектронику, ИИ, квантовые информационные технологии и др.

Получается, что в Китае иностранные ТНК пока еще могут использовать китайский человеческий капитал, но не могут воспользоваться новым фактором производства (ИИ) и растущим внутренним рынком. Это легко объясняется: Интернет в Китае отрезан от мирового. Онлайн-каталоги, сервисы заказа и оплаты большинства иностранных компаний (в том числе российских) в Китае не работают. А большую часть розничных покупок китайцы совершают в смартфоне. Оптовые продажи и снабжение промышленных предприятий также осуществляется через сервисы и платежные системы, работающие в китайском Интернете. Многие китайские индивидуальные предприниматели и владельцы малого бизнеса не знают, где физически находятся налоговая инспекция и таможня, и подчеркивают, что они за 10 секунд, без каких-либо документов, в режиме онлайн решают финансовые вопросы своего бизнеса, при этом некоторые из них уверены, что берут кредиты «у смартфона».

Таким образом, иностранные производители в Китае, даже если установят роботов, обработают БД с помощью своего ИИ, физически не могут оперативно разрабатывать и внедрять продукцию, координировать доставку материалов в сборочный цех с помощью беспилотников, продавать продукцию на китайских площадках электронной коммерции и т.д. Не могут вовлечь в процесс создания продукта просьюмеров, использовать скорость и преимущества метакapитализма. Это заставляет иностранных производителей

лей уходить из Китая². Фрагментация Интернета пришла на смену информационной глобализации, и ИКТ-технологии стали предметом борьбы за лидерство великих держав, а также инструментом международной конкуренции [Зиновьева, 2024].

Еще после мирового кризиса 2008–2009 гг. развитые страны увидели в Китае конкурента и осознали опасность зависимости от одной страны. Для нивелирования этой угрозы была теоретически обоснована и реализована на практике стратегия «*Китай + 1*», в рамках которой ГЦС не должна целиком находиться в Китае, а должна быть распределена между Китаем и странами Юго-Восточной и Южной Азии. Фактически многие западные ТНК так и сделали [De-globalization..., 2023]. Но стратегия провалилась: после переноса сборочных производств в другие страны зависимость от Китая не уменьшилась.

Китайские ученые считают, что главный фактор конкурентоспособности страны – «*полная комплексность*» (大全) [Примеры..., 2024]. Комиссия по реформам и развитию КНР связала все отрасли в единый механизм, обеспечивает их всеми материалами, компонентами, оборудованием, кадрами. Для всех видов продукции созданы полные, вертикально интегрированные производственные цепочки, в которых операции разделены между государственными и частными предприятиями, между крупным и малым бизнесом, и они в Китае не конкурируют, а помогают друг другу. Нет ни одной другой страны в мире, которая обладала бы такой «полной комплексностью». В любой стране мира западные ТНК сталкиваются с потребностью в материалах, комплектующих и других ресурсах, ко-

торые можно заказать только в Китае. По этой же причине инициатива «Один пояс – один путь» в первоначальном виде тоже не оправдала ожиданий: китайским ТНК быстрее и дешевле произвести продукцию для домашнего рынка в Китае.

Невидимая сеть международных производственных цепочек Китая

Страны Запада вводят санкции и пошлины, явные и скрытые барьеры, призванные сдержать подъем Китая. Во многих странах введен тотальный контроль над притоком ПИИ из Китая, все проекты тщательно рассматриваются через призму национальных интересов и стратегической зависимости. Чтобы не раздражать развитые страны своими брендами и предприятиями, китайские компании осуществляют новую стратегию зарубежной экспансии. Они активно развивают зарубежное производство, но без официального создания своих филиалов, а через вовлечение местного бизнеса принимающих стран в китайские производственные цепочки. Измерить масштаб этого явления доступными статистическими показателями невозможно, однако, по наблюдениям автора, в такую деятельность вовлечены многие предприятия Китая, производящие экспортную продукцию. Об этом также косвенно свидетельствуют рост числа китайских специалистов, работающих за рубежом (не в филиалах ТНК), и рост роялти – поступления платежей за использование китайских ПО и технологий за рубежом.

Как правило, китайские предприятия предлагают своим старым

2 UBS Evidence Lab, China 360. – URL: <https://www.ubs.com/global/en/investment-bank/insights-and-data/global-research/china-360.html> (дата обращения: 10.08.2025).

партнерам из развивающихся стран установить высокотехнологичные производственные линии, обучить персонал, поставлять им запчасти, ключевые компоненты и новейшие материалы, разработанные в Китае. А главное – передавать в электронном виде разработанный китайскими инженерами и ИИ дизайн продукции, соответствующей передовым требованиям качества (инженеры развивающихся стран не могут самостоятельно разработать, протестировать и сертифицировать такую продукцию). Этим зарубежным партнерам предлагается использовать их собственные торговые марки для вывода продукции на рынки США и стран Евросоюза (ЕС), причем зачастую клиентов также находит Китайская Сторона. Как высший этап развития этой стратегии китайские предприятия предлагают своим старым американским и европейским партнерам осуществлять OEM-производство продукции под их известными брендами не в Китае, как раньше, а на этих зарубежных предприятиях в третьих странах, гарантируя качество, соответствие стандартам, оперативность разработки и внедрения новой продукции.

Таким образом, большая часть добавленной стоимости, включенной в платежи за поставленное оборудование, компоненты и дизайн продукции, достается китайским компаниям. Практически это филиалы китайских ТНК, замаскированные под местный бизнес принимающих стран. Есть исследования, которые доказали, что сокращение импорта в США и ЕС из Китая хотя бы частично компенсируется ростом экспорта из Китая в страны Юго-Восточной Азии и ростом импорта в США и страны Евросоюза из Юго-Восточной Азии [Exports in Disguise?..., 2025]. В подобных исследованиях обычно предполагается, что это скрытый реэкспорт, и произ-

водство в третьих странах осуществляется лишь на бумаге [Jiang, Xing, 2025]. Но достоверно известны случаи полноценного производства по описанной выше схеме не только в Юго-Восточной Азии и Южной Азии, но и в Центральной Азии, Турции, Мексике.

Это не маскировка китайского экспорта под продукцию других стран, и даже не маскировка своих квазифилиалов. Это создание подконтрольного китайскому правительству международной производственной суперсети, управляемой искусственным интеллектом и невидимой с точки зрения прав собственности. По сути, это транснационализация китайского бизнеса, хотя формально – нет.

Китай захватывает и берет под контроль производственные цепочки западных ТНК, при этом оставаясь в тени предприятий третьих стран. При такой схеме западные ТНК везут на домашний и чужие рынки продукцию не со своих зарубежных филиалов, а с иностранных предприятий, технологически подконтрольных Китаю. Чтобы произвести продукцию быстро, дешево и качественно, надо использовать эти предприятия с китайским оборудованием и ПО, для совместимости с которыми разработка дизайна и НИОКР должны осуществляться исключительно в сотру-днических с китайскими инженерами.

Американцы и европейцы гордятся своими брендами, думают, что выносят свои производства из Китая. А на самом деле в Китае они производили *свою* продукцию на сборочных фабриках, а теперь не в Китае покупают под своими брендами именно разработанную в Китае продукцию [Xing, 2017].

Если раньше ТНК конкурировали продукцией, то теперь китайские компании сосредоточились на создании производственных цепочек и предоставлении их в аренду чужим

ТНК. В этой концепции иностранные ТНК борются друг с другом своими товарами из-за нескольких процентов прибыли, а китайские компании со всех них получают монопольную прибыль за предоставление самой возможности произвести современный товар.

Будущий ИКТ-индустриальный Центр мирового хозяйства

Мир-система с постиндустриальным Центром и экономический миропорядок, сложившийся после отвязки валют от золотого содержания и перехода на фиатные деньги, находятся в глубоком кризисе и не устраивают даже создавшие их развитые страны [Новые тренды..., 2023]. Триггером разрушения старого и формирования нового миропорядка стали подъем Китая и развитие ИКТ-технологий [Morris, 2025]. Китай стал первой экономикой мира по паритету покупательной способности, но, как справедливо отмечают эксперты, место в Центре системы определяется не количественными показателями, и, анализируя проблемы старой модели развития Китая, предполагают, что после доминирования США настанет период без абсолютных лидеров [Гринин, Гринин, Коротаев, 2024]. Однако и естественные, и социокультурные системы, к которым относят экономические, иерархичны, не могут находиться в устойчивом состоянии без четко распределенных ролей и субординации. Поэтому прежде, чем мир перейдет к очередной фазе усиления глобализации, на которой все сотрудничают со всеми, покорно принимая свою роль в мировом хозяйстве, должно произойти перераспределение стран или их объединений по уровням развития. Это должно быть объективное и очевидное ран-

жирование. Как правило, наиболее развитые страны верхнего яруса занимают свое место за счет более высокой производительности факторов производства и рационального потребления ресурсов. Войти на каждом новом этапе эволюции мирового хозяйства в его качественно новый Центр удавалось только тем, кто предлагал принципиально новую модель экономического миропорядка, и тем старым лидерам, которые быстро адаптировались к новым условиям.

Максимально эффективно генерировать и внедрять инновации, то есть обеспечить высокие темпы роста экономики и благосостояния граждан, смогут только те страны, которые имеют суверенные ИИ, Интернет и производство. В условиях выравнивания себестоимости собственнo производства, продукцию для домашнего рынка для минимизации расходов на логистику будет выгоднее производить в странах базирования. При этом роль ТНК в мировой экономике останется важной, только акцент их деятельности сместится в сторону предоставления ИКТ-услуг для местных производителей в принимающих странах. Достаточно оказывать услуги по доступу в Интернет, сбору, хранению и обработке данных с ИИ, чтобы лишить принимающую страну экономического суверенитета. Китай уже является финансово развитой страной, создает путем кредитной эмиссии треть всех новых денег мира, не опасаясь инфляции или падения курса национальной валюты. Однако в будущем мироустройстве более ценным станет новый фактор – ИИ, с помощью которого можно управлять цепочками поставок современных товаров с максимальной эффективностью.

Как отмечается в отчете ЮНКТАД, по состоянию на 2024 г. 118 стран мира

вообще никак не развивали ИИ, даже не имели таких планов³. Среди стран – членов ОЭСР наблюдается серьезное расслоение по степени развития ИИ. Лидером развития технологий ИИ практически все называют США. Что касается Китая, встречаются пессимистические взгляды, когда хоть и признаются их технологические достижения, но в то же время выражается сомнение в его способности построить передовую инновационную систему [Данилин, 2024]. Подавляющее большинство экспертов сходятся во мнении, что по состоянию на 2025 г. современными ИКТ-технологиями обладают лишь два государства – Китай и США [Shi, Wei, 2025].

При этом США и Китай осознали свое преимущество обладания новым фактором производства, поэтому США пытаются продемонстрировать свое технологическое превосходство над ЕС и Японией, а Китай – над Россией, Индией, Бразилией. И ищут способы материализовать это преимущество, получить ренту. С точки зрения развития технологий ИИ и ИКТ-инфраструктуры, качественного и количественного уровня развития промышленности в глобальной экономике можно заметить формирование двух конкурирующих блоков: 1) «США+» в виде G7 или даже всего коллективного Запада и 2) «Китай+» в виде расширяющегося БРИКС. Китаю, как и США, стратегически невыгодно делиться передовыми технологиями с партнерами по блоку.

Как отмечают эксперты, уже через несколько лет вычислительная мощность будет подобна сегодняшней электроэнергии, и все предприятия

и домохозяйства будут покупать и использовать ее. Данные – это ресурс цифровой экономики, в киберпространстве работа промышленности и сферы услуг невозможна без сбора и обработки данных. Поэтому эпоха «тощих» технологических гигантов, не имеющих ничего, кроме офисов, заканчивается, они трансформируются в инфраструктурные компании наподобие металлургических монстров прошлого⁴. Расходы на инфраструктуру ИИ в процентах от ВВП уже превысили расходы на телекоммуникационную и интернет-инфраструктуру, возникшие в период бума доткомов. *Facebook*, *Microsoft* и их конкуренты теперь вертикально интегрируются и владеют всё большим количеством ресурсов, необходимых для ведения бизнеса. Так, *Microsoft* в 2026 г. закончит строительство первой очереди центра обработки данных стоимостью 3,3 млрд долл. в штате Висконсин, а в целом создается «ИИ-инфраструктура планетарного масштаба».

Суть стратегии США в области ИИ заключалась в поддержании монополии на массовое производство передовых чипов. На это направлен ряд санкций, введенных с октября 2022 г., которые должны были лишить Китай доступа к чипам, обеспечивающим революцию ИИ, и подорвать его способность производить альтернативные чипы внутри страны. До тех пор, пока США сохраняют монополию на высокопроизводительные чипы, у них есть рычаги для глобального распределения передовых вычислений, для создания и эксплуатации центров обработки БД на третьих рынках на своих услови-

3 Technology and Innovation Report 2025 // UNCTAD. – 2025. – URL: <https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2025> (дата обращения: 10.08.2025).

4 Mims C. Silicon Valley's New Strategy: Move Slow and Build Things // The Wall Street Journal. – 2025. – August 1. – URL: https://www.wsj.com/tech/ai/silicon-valley-ai-infrastructure-capex-cffe0431?st=olCAcg&reflink=desktopwebshare_permalink (дата обращения: 10.08.2025).

ях. Китайские исходящие ПИИ в дата-центры станут индикатором того, смогут ли китайские гиперскейлеры (*Alibaba, Tencent, Huawei, Baidu*) конкурировать с американскими поставщиками облачных услуг за рубежом. И уже известно, что *Huawei* активно строит зарубежные центры обработки данных, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Технологическое разделение разрушает связи между китайской и американской экосистемами ИИ – Китай становится самодостаточным. Китайские власти реализуют инфраструктурный мегапроект, который привел к более эффективному использованию ограниченных вычислительных ресурсов Китая для обучения моделей ИИ, мобилизуя государственные лаборатории и ведущие частные компании, которые разработали альтернативы американским ИИ-чипам, например передовые графические процессоры (GPU) *Nvidia*⁵. Одним из ключевых элементов является запущенная в 2021 г. Национальная интегрированная вычислительная сеть (全国一体化算力网络) для оптимизации и интеграции вычислительных ресурсов по всей стране с обработкой и хранением БД в Западном Китае, где земля и электричество дешевле. А ее ядром является Китайская вычислительная сеть (中国算力网), управляемая лабораторией *Peng Cheng Lab* в сотрудничестве с *Huawei*. Правительство отобрало компании *Baidu, Huawei, Qihoo 360, China Mobile, iFlytek* и *Alibaba* для создания экосистем ИИ в конкретных областях и разработки национальных стандартов ИИ под контролем Управления киберпространства Китая (国家互联网信息办公室).

Для работы подключенных к ИИ устройств Китай внедрил сверхбыструю и высокопроизводительную телекоммуникационную инфраструктуру поколения 5G, разработанную корпорацией *Huawei*; она обеспечивает скорость передачи данных до 10 раз выше, чем 5G, в то время как в развитых странах всё еще используют связь поколения 4G.

Сегодня Китай – единственный, кто создал контуры принципиально новой модели организации производства, но пока что на своей территории. С распространением этой модели за пределы страны он сможет подняться на качественно новое место в устройстве мирового хозяйства. США с точки зрения готовности к новому мироустройству уже отстают от Китая, но осознали проблему деиндустриализации и варианты ее последствий для своего доминирования в глобальной экономике и пытаются защищаться пошлинами, но одновременно принимают меры по возвращению многих отраслей промышленности и их перестройке с учетом китайских новаций. При этом на данный момент США – единственная страна, которая способна в среднесрочной перспективе составить конкуренцию Китаю и потенциально войти вместе с ним в состав нового Центра четвертого, ИКТ-индустриального, яруса мирового хозяйства.

Пока что американскому передовому ИИ в прямом смысле нет работы; в отличие от китайского, ему нечем управлять: не достает 6 млн фабрик с их зарубежным продолжением. ИИ без «полной комплексности» будет предлагать вместо создания нового продукта купить то, что могут произвести китайские ГЦС. В 2024 г. гражданам

5 Kyng J. Streets ahead: China is winning the technology war with the US // The Observer. – 2025. – May 2. – URL: <https://observer.co.uk/news/science-technology/article/elon-musk-used-to-laugh-at-chinas-technology-hes-not-laughing-now> (дата обращения: 10.08.2025).

США из Китая ежедневно приходило 4 млн посылок стоимостью ниже установленного беспошлинного лимита 800 долл., но со 2 мая 2025 г. все посылки облагаются пошлинами.

Во время Третьей промышленной революции японцы первыми разработали и внедрили революционные принципы организации и размещения производства, которые получили название *тойотизма* (постфордизма), на которых основана конкурентоспособная промышленность последних десятилетий. Поначалу США пытались защитить свой рынок от японских товаров импортными пошлинами, что только ухудшило положение американских производителей, так как в ответ японцы создали систему предприятий-трансплантов («отверточной сборки»), аутсорсинга и крупноузловых поставок, то есть разработанные японскими компаниями комплектующие ввозились для окончательной сборки из «дружественных стран», не подпадая под пошлины. К чести США, они отказались от протекционизма и практически полностью разрушили многие отрасли промышленности, воссоздали их в виде системы современных предприятий, размещенных в узкоспециализированных кластерах.

То, что происходит между Китаем и США, не просто торговая война, не перенос производства в третьи страны для обхода пошлин, а создание нового яруса глобальной экономики, борьба за центральное место в новом экономическом миропорядке [Kim, Rho, 2024]. В отличие от соперничества между США и СССР времен холодной войны, она разворачивается не только в естественных пространствах (на суше, в море, воздухе и космическом пространстве), но и в новом,

созданном человеком, киберпространстве, преимущество в котором имеет решающее значение для успеха страны в стратегическом соперничестве [Yan, Qi, 2025].

Пошлины президента США Д. Трампа – это перестройка существовавшей системы американских ТНК, которые утратили возможность контролировать современное производство в Китае из-за отсутствия доступа к Интернету и, как следствие, к ИИ, из-за чего их ПИИ в Китае превращаются в мусорные активы. Это также ответ Китаю, который два года назад тихо ввел 20%-е пошлины на продукцию всех стран (субсидии покупателей и льготы на госзакупках для продукции, произведенной на территории КНР). Кстати, американцы отмечают, что Д. Трамп легитимизирует политику Китая, который неоднократно использовал пошлины и санкции в отношении Японии, Австралии, Норвегии и др.⁶ Перенос промышленности в США – довольно сложный и затратный процесс, который ставит многие (особенно малые) компании на грань выживания [D'Ambrosio, Lavoratori, 2025].

Заключение

Делать экономические прогнозы на будущее сложно, особенно в условиях современной геополитической напряженности, доминирования интересов национальной безопасности над вопросами прибыли и эффективности. Тем не менее, суммируя новые тренды глобализации и транснационализации, развития ИИ и его инфраструктуры, проявляется картина одного из вариантов трансформации мир-системы с возникновением над постиндустриальным Центром бо-

6 Trump's Bullying of India Is Straight From Xi's Playbook // Bloomberg. – 2025. – August 7. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2025-08-08/india-s-bullying-by-trump-over-tariffs-mirrors-xi-s-playbook> (дата обращения: 10.08.2025).

лее передового ИКТ-индустриального ядра. Страны, которые в него войдут, будут считаться развитыми. В настоящее время обозначились два первых претендента – США и Китай, при этом у них одна и та же цель, но разные задачи. Китаю необходимо преодолеть технологическое отставание в производстве чипов и системах обучения ИИ, в то время как США необходимо устранить последствия деиндустриализации, развернуть на своей территории многие отрасли обрабатывающей промышленности. Всем остальным странам надо решать обе задачи одновременно, так как для современной промышленности требуется ИИ, а он может привести к качественно новому уровню развития только при наличии промышленного суверенитета.

Список литературы

- Авдокушин Е.Ф., Жуй В. Разработка концепции производительных сил нового качества и практика ее реализации в Китае // *Международная торговля и торговая политика*. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 5–23. – DOI: 10.21686/2410-7395-2025-2-5-23.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 416 с.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 61–81. – DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04.
- Данилин И.В. «Национальные чемпионы» и технологические «маленькие гиганты»: китайская промышленная политика между модернизацией и традицией // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 139–154. – DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154.
- Зиновьева Е.С. Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 27–47. – DOI: 10.24833/2071-8160-2022-olf5.
- Калашников Д.Б., Митрофанова И.Б. Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 128–146. – DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07.
- Новые тренды в экономической глобализации / под ред. А.С. Булатова, Н.В. Галищевой, М.А. Максаковой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 505 с.
- Промышленная политика в условиях трансформации глобальных стоимостных цепочек / под ред. В.Б. Кондратьева. – Москва : ИМЭМО РАН, 2023. – 190 с. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0618-2.
- Calabrese L., Jenkins R., Lombardozzi L. The Belt and Road Initiative and Dynamics of Structural Transformation // *The European Journal of Development Research*. – 2024. – Vol. 36, N 3. – P. 515–547. – DOI: 10.1057/s41287-024-00644-x.
- Can digital infrastructure enhance economic efficiency? Evidence from China / Guo Q., Geng C., Yao N., Zhao L. // *Quality and Quantity*. – 2024. – Vol. 58, N 2. – P. 1729–1752. – DOI: 10.1007/s11135-023-01710-y.
- Cook S., Rani U. Platform Work in Developing Economies: Can Digitalisation Drive Structural Transformation? // *The Indian Journal of Labour Economics*. – 2025. – Vol. 68, N 2. – P. 395–416. – DOI: 10.1007/s41027-024-00541-1.
- D'Ambrosio A., Lavoratori K. Reshoring to survive? The other side of de-globalization // *Journal of Industrial and Business Economics*. – 2025. – March. – DOI: 10.1007/s40812-025-00342-7.

De-globalization, International Trade Protectionism, and the Reconfigurations of Global Value Chains / Zahoor N., Wu J., Khan H., Khan Z. // *Management International Review*. – 2023. – Vol. 63, N 5. – P. 823–859. – DOI: 10.1007/s11575-023-00522-4.

Digital economy-driven export sophistication: mechanisms of market integration and human capital restructuring / Liu J., Guan Y., Guan M., Yu J. // *Digital Economy and Sustainable Development* – 2025. – Vol. 3, N 16. – DOI: 10.1007/s44265-025-00061-w.

Does digital transformation enhance the economic vitality of chinese enterprises? Evidence from A-share listed companies / Liu Y., Li R., Duan R., Liu P. // *Future Business Journal*. – 2025. – Vol. 11, N 168. – DOI: 10.1186/s43093-025-00594-8.

Exports in Disguise? Trade Rerouting during the US-China Trade War / Iyoha E., Malesky E., Wen J., Wu S. – Harvard : Harvard Business School, 2025. – Working Paper 24-072. – 46 p.

Fang H., Iqbal K. Information and communication technology, upgrading of industrial structure and spatial spillover effect // *Scientific Reports*. – 2025. – Vol. 15, N 18340. – DOI: 10.1038/s41598-025-02957-1.

Industrial policy, digital transformation and firms' GVC position: Dual mechanism of industry structural upgrading and firm bargaining power enhancement / Gao X., Dong S., Zhang Y., Huang J. // *Journal of Economics and Finance*. – 2025. – Vol. 49, N 3. – P. 768–794. – DOI: 10.1007/s12197-025-09724-y.

Jiang C., Xing L. Is China decoupling from the global value chain? A quantitative analysis framework based on the global production network // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2025. – Vol. 12, N 1. – Article 796. – DOI: 10.1057/s41599-025-05183-2.

Kim Y., Rho S. The US–China Chip War, Economy-Security Nexus, and Asia //

Journal of Chinese Political Science. – 2024. – Vol. 29. – P. 433–460. – DOI: 10.1007/s11366-024-09881-7.

Lin J.Y., Fu C. China in the Global Economic Structural Transformation and Upgrading. In: *Demystifying the World Economic Development*. – Singapore : Springer, 2024. – P. 505–593. – DOI: 10.1007/978-981-97-5632-2_9.

Morris D. A New Era of Risk. Why We Need a New, Sustainable Internationalism to Manage the Rise of China. – Cambridge : Ethics International Press Ltd, 2025. – 280 p.

Navigating industrial policy and global value chains in an era of disruptions / Gerrefi G., Pananond P., Tell F., Fang T. // *Journal of International Business Policy*. – 2025. – Vol. 8, N 3. – P. 207–223. – DOI: 10.1057/s42214-025-00223-9.

Roberts A., Lamp N. Navigating complexity: globalization narratives in China and the West // *China International Strategy Review*. – 2022. – Vol. 4. – P. 351–366. – DOI: 10.1007/s42533-022-00113-2.

Rodionova I.A., Kalashnikov D.B. China in the Rankings of the World's Largest Corporations: Shifts in Participation in the International Division of Labor // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. – 2024. – Vol. 94, N 5. – P. 260–268. – DOI: 10.1134/S1019331625600325.

Shi Y., Wei F. Comparative Analysis of Digital Economy-Driven Innovation Development in China: An International Perspective // *Journal of the Knowledge Economy*. – 2025. – Vol. 16, N 1. – P. 4422–4464. – DOI: 10.1007/s13132-024-02128-z.

Tang W., Lan Q. Does digital trade promote China's manufacturing industry upgrading? – based on structure rationalization perspective // *Economic Change and Restructuring*. – 2024. – Vol. 57, N 3. – Article 128. – DOI: 10.1007/s10644-024-09714-w.

The impact of artificial intelligence on the new quality productive forces of en-

terprises / Chen X., Liu L., Li D., Han Y., Liu X. // *Journal of Digital Management*. – 2025. – Vol. 1, N 3. – DOI: 10.1007/s44362-024-00002-1.

The Product Space Conditions the Development of Nations / Hidalgo C.A., Klinger B., Barabási A.-L., Hausmann R. // *Science*. – 2007. – N 317 (5837). – P. 482–487. – DOI: 10.1126/science.1144581.

Wallerstein I. The modern world system III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s. – San Diego : Academic Press, 1989. – 390 p.

Wen H., Zhan J. New-type infrastructure and total factor productivity: evidence from listed manufacturing firms in China // *Economic Change and Restructuring*. – 2023. – Vol. 56, N 6. – P. 4465–4489. – DOI: 10.1007/s10644-023-09561-1.

Xing Y. Global Value Chains and the Missing Exports of the United States // *GRIPS Discussion Paper*. – 2017. – N 17-06. – 13 p. – DOI: 10.2139/ssrn.3051526.

Yan X., Qi H. China–US competition, reverse globalization, and the regression of world politics // *China International Strategy Review*. – 2025. – Vol. 7. – P. 1–15. – DOI: 10.1007/s42533-025-00187-8.

Yang Z., Zhang J. Digital infrastructure construction and the development of new-quality productive forces in enterprises // *Scientific Reports*. – 2025. – Vol. 15. – Article 24671. – DOI: 10.1038/s41598-025-09897-w.

Yifu L.J., Wang X. Dual Circulation: a New Structural Economics view of development // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. – 2021. – Vol. 20, N 4. – P. 303–322. – DOI: 10.1080/14765284.2021.1929793.

Zheng, Y. The middle technology trap: China in a comparative perspective // *Asian Review of Political Economy*. – 2024. – Vol. 3, N 11. – DOI: 10.1007/s44216-024-00030-8.

Потенциал роста экономики Китая: измерение и направления развития = 中国经济增长潜力: 测度判断与方向路径. – Пекин : Народное издательство = 人民出版社, 2024. – 208 с. – Кит. яз.

Примеры развития современной экономики Китая = 中国当代经济发展案例选编/ под ред. Ли Сяопина (李小平), Чэнь Либина (陈立兵), Чжу Цяолина (朱巧玲). – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2024. – 222 с. – Кит. яз.

Производительные силы нового качества: движущая сила экономического развития Китая = 新质生产力: 中国经济发展新动能 / под ред. Лю Дяня (刘典). – Пекин : Китайская финансовая и экономическая пресса = 中国财政经济出版社, 2024. – 254 с. – Кит. яз.

Реиндустриализация в Китае = 中国再制造进展. – Пекин : Издательство национальной оборонной промышленности = 国防工业出版社, 2024. – 226 с. – Кит. яз.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Internationalization of China's Economy: Outlines of a New ICT-industrial Core of the World System

Denis B. KALASHNIKOVPhD (Econ.), Associate Professor of World Economy Department
MGIMO – University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1120-0054

CITATION: Kalashnikov D.B. (2025). Internationalization of China's Economy: Outlines of a New ICT-industrial Core of the World System. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 20–43 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Received: 11.08.2025.

Revised: 27.08.2025.

ABSTRACT. *The purpose of the article is to reveal how the new stage of reforming the Chinese economy will affect its place in the hierarchy of the global economy and the very architecture of the economic world order. To this end, we analyze the features of the implementation of modern Chinese strategies for the development of “new-quality productive forces,” “dual circulation,” “Artificial Intelligence +” (AI), and “new-type industrialization,” as well as trends in globalization, the transnationalization of Chinese companies, and the development of international production chains. It is shown that in China, AI is becoming the most important factor in production and competitiveness, one that is not available to foreign businesses either for organizing production or for sales in the domestic market. In addition, Chinese companies are creating a global-scale production network abroad, invisible in direct investment statistics, with*

control based on technological dependence on product development in China. Western MNCs are moving production out of China, but at the same time becoming even more dependent on it, since only China can provide the supply of all the necessary materials and equipment, which are compatible only with Chinese R&D and AI. Thus, while Western MNCs compete with each other in goods, China gains monopoly power by providing them with the opportunity to develop and produce these goods quickly, cheaply, and efficiently. The United States remains the world leader in AI and its infrastructure, but unlike China, which has six million factories, American AI is limited in its application. Thus, a transformation of the World System is already taking place, in which the outlines of a more advanced Core are emerging above the post-industrial Center. The countries that enter it will be considered developed. It is proposed to call

this new, fourth tier of the world economy “ICT-industrial,” since it is based on ICT infrastructure but generates a synergistic effect only under conditions of industrial sovereignty.

KEYWORDS: *China, global economy, innovative development, new-quality productive forces, transnational corporations, GVCs, World System.*

References

- Avdokushin E.F., Zui W. (2025). Development of the Concept of New Quality Productive Forces and the Practice of Its Implementation in China. *International Trade and Trade Policy*. Vol. 11, no. 2, pp. 5–23 (in Russian). DOI: 10.21686/2410-7395-2025-2-5-23.
- Calabrese L., Jenkins R., Lombardozzi L. (2024). The Belt and Road Initiative and Dynamics of Structural Transformation. *The European Journal of Development Research*. Vol. 36, pp. 515–547. DOI: 10.1057/s41287-024-00644-x.
- Can digital... (2024). Guo Q. et al. Can digital infrastructure enhance economic efficiency? Evidence from China. *Quality and Quantity*. Vol. 58, no. 2, pp. 1729–1752. DOI: 10.1007/s11135-023-01710-y.
- Cook S., Rani U. (2025). Platform Work in Developing Economies: Can Digitalisation Drive Structural Transformation? *The Indian Journal of Labour Economics*. Vol. 68, no. 2, pp. 395–416. DOI: 10.1007/s41027-024-00541-1.
- D'Ambrosio A., Lavoratori K. (2025). Reshoring to survive? The other side of de-globalization. *Journal of Industrial and Business Economics*. March. DOI: 10.1007/s40812-025-00342-7.
- Danilin I.V. (2024). “National Champions” and Technological “Little Giants”: Chinese Industrial Policy Between Modernization and Tradition. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 17, no. 6, pp. 139–154 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154.
- De-globalization... (2023). Zahoor N. et al. De-globalization, International Trade Protectionism, and the Reconfigurations of Global Value Chains. *Management International Review*. Vol. 63, pp. 823–859. DOI: 10.1007/s11575-023-00522-4.
- Digital economy-driven... (2025). Liu J. et al. Digital economy-driven export sophistication: mechanisms of market integration and human capital restructuring. *Digital Economy and Sustainable Development*. Vol. 3, no. 16. DOI: 10.1007/s44265-025-00061-w.
- Does digital transformation... (2025). Liu Y. et al. Does digital transformation enhance the economic vitality of chinese enterprises? Evidence from A-share listed companies. *Future Business Journal*. Vol. 11, no. 168. DOI: 10.1186/s43093-025-00594-8.
- Exports in Disguise?... (2025). Iyoha E. et al. *Exports in Disguise? Trade Rerouting during the US – China Trade War*. Harvard: Harvard Business School. Working Paper 24-072, 46 pp.
- Fang H., Iqbal K. (2025). Information and communication technology, upgrading of industrial structure and spatial spillover effect. *Scientific Reports*. Vol. 15, article 18340. DOI: 10.1038/s41598-025-02957-1.
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A.V. (2024). Shaping a New World Order and BRICS+. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 17, no. 5, pp. 61–81 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04.
- Industrial policy... (2025). Gao X. et al. Industrial policy, digital transformation and firms' GVC position: Dual mechanism of industry structural upgrading and firm bargaining power enhancement. *Journal of Economics and Finance*. Vol. 49, no. 3, pp. 768–794. DOI: 10.1007/s12197-025-09724-y.
- Jiang C., Xing L. (2025). Is China decoupling from the global value chain?

A quantitative analysis framework based on the global production network. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 12, no. 1, article 796. DOI: 10.1057/s41599-025-05183-2.

Kalashnikov D.B., Mitrofanova I.B. (2023). Regional Development of China on the Eve of the Transition to Post-industrialization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 16, no. 1, pp. 128–146 (in Russian). DOI: 10.31249/kgf/2023.01.07.

Kim Y., Rho S. (2024). The US – China Chip War, Economy-Security Nexus, and Asia. *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 29, pp. 433–460. DOI: 10.1007/s11366-024-09881-7.

Lin J.Y., Fu C. (2024). China in the Global Economic Structural Transformation and Upgrading. In: *Demystifying the World Economic Development*. Singapore: Springer, pp. 505–593. DOI: 10.1007/978-981-97-5632-2_9.

Morris D.A. (2025). *New Era of Risk. Why We Need a New, Sustainable Internationalism to Manage the Rise of China*. Cambridge: Ethics International Press Ltd., 280 pp.

Navigating... (2025). Gereffi G. et al. Navigating industrial policy and global value chains in an era of disruptions. *Journal of International Business Policy*. Vol. 8, no. 3, pp. 207–223. DOI: 10.1057/s42214-025-00223-9.

Noviye trendi... (2023). Bulatov A.S., Galishcheva N.V., Maksakova M.A. (eds). *New Trends in Economic Globalization*. Moscow: Aspect Press Publishing House, 505 pp. (in Russian).

Potentsial rosta... (2024). *The Measurement of China's Potential Economic Growth and Future Development Path*. Beijing: Renmin Chubanshe, 208 pp. (in Chinese).

Primeri... (2024). Li Xiaoping, Chen Libing, Zhu Qiaoling (eds). *Selected Cases of Contemporary Economic Development in China*. Beijing: Beijing University Publ., 222 pp. (in Chinese).

Proizvoditel'niye sili... (2024). Liu Dian (ed.). *New-quality Productive Forces: The Driving Force of China's Economic Development*. Beijing: Zhongguo Caizheng Jingji Chubanshe, 254 pp. (in Chinese).

Promishlennaya... (2023). Kondratiev V.B. (ed.) *Industrial Policy under Global Value Chains Transformation*. Moscow: IMEMO RAS, 190 pp. (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0618-2.

Reindustrializatsiya v Kitaye (2024). *Remanufacturing in China*. Beijing: Guofang Gongye Chubanshe, 226 pp. (in Chinese).

Roberts A., Lamp N. (2022). Navigating complexity: globalization narratives in China and the West. *China International Strategy Review*. Vol. 4, pp. 351–366. DOI: 10.1007/s42533-022-00113-2.

Rodionova I.A., Kalashnikov D.B. (2024). China in the Rankings of the World's Largest Corporations: Shifts in Participation in the International Division of Labor. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 94, no. 5, pp. 260–268. DOI: 10.1134/S1019331625600325.

Shi Y., Wei F. (2025). Comparative Analysis of Digital Economy-Driven Innovation Development in China: An International Perspective. *Journal of the Knowledge Economy* Vol. 16, no 1, pp. 4422–4464. DOI: 10.1007/s13132-024-02128-z.

Tang W., Lan Q. (2024). Does digital trade promote China's manufacturing industry upgrading? – based on structure rationalization perspective. *Economic Change and Restructuring*. Vol. 57, no. 3, article no. 128. DOI: 10.1007/s10644-024-09714-w.

The impact... (2025). Chen X. et al. The impact of artificial intelligence on the new quality productive forces of enterprises. *Journal of Digital Management*. Vol. 1, no. 3. DOI: 10.1007/s44362-024-00002-1.

The Product Space... (2007). Hidalgo C.A. et al. The Product Space Condi-

tions the Development of Nations. *Science*. No. 317 (5837), pp. 482–487. DOI: 10.1126/science.1144581.

Wallerstein I. (1989). *The Modern World System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s*. San Diego: Academic Press, 390 pp.

Wallerstein I. (2001). *Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World*. Saint Petersburg: University Book, 416 pp. (transl. into Russian).

Wen H., Zhan J. (2023). New-type infrastructure and total factor productivity: evidence from listed manufacturing firms in China. *Economic Change and Restructuring*. Vol. 56, no. 6, pp. 4465–4489. DOI: 10.1007/s10644-023-09561-1.

Xing Y. (2017). Global Value Chains and the Missing Exports of the United States. *GRIPS Discussion Paper*. No. 17-06, 13 pp. DOI: 10.2139/ssrn.3051526.

Yan X., Qi H. (2025). China – US competition, reverse globalization, and the regression of world politics. *China Inter-*

national Strategy Review. Vol. 7, pp. 1–15. DOI: 10.1007/s42533-025-00187-8.

Yang Z., Zhang J. (2025). Digital infrastructure construction and the development of new-quality productive forces in enterprises. *Scientific Reports*. Vol. 15, article 24671. DOI: 10.1038/s41598-025-09897-w.

Yifu L.J., Wang X. (2021). Dual Circulation: a New Structural Economics view of development. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. Vol. 20, no. 4, pp. 303–322. DOI: 10.1080/14765284.2021.1929793.

Zheng, Y. (2024). The middle technology trap: China in a comparative perspective. *Asian Review of Political Economy*. Vol. 3, no. 11. DOI: 10.1007/s44216-024-00030-8.

Zinovieva E.S. (2024). Cyber Diplomacy under Increased Competition Between the Great Powers. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 17, no. 4, pp. 27–47 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2022-olf5.